ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 111.1 + 141.32 + 159.952.1

В. А. Герт

К ОНТОЛОГИИ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Все способы выхода человека «за», выделенные в философии, — сознание, общение, действие, отношение, вера и отрицание — представлены в размышлениях о свободе человека, направленность которых в истории философии осуществлялась от гносеологического освобождения к экзистенциальному. Однако во всех этих способах экзистирования присутствует выбор. Свобода выбора человека в выходах «за» является необходимостью, так как все они вероятностны. Выбор — это и свобода утверждения возможностей индивидуальности в ее со-бытии, и ограничение выбранной возможностью. Эксцентрический выход в со-отношениях со-бытия человека является необходимым условием для индивидуальности в идентификации предметного мира, других в со-бытии, самого себя и собственных выбранных смыслов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: выход «за» и субъектность, способы экзистирования и освобождения, выбор и свобода выбора, целевая и смысловая детерминация.

Свобода человека выступает как необходимость в выходе «за», это одно из условий его субъектности, обоснованное еще в XIX в. Л. Фейербахом и К. Марксом. Их позиция уже была отличной от позиции Г. В. Ф. Гегеля, который фиксирует «очевидность» сути свободы так: «Свобода состоит в том, чтобы быть в зависимости только от самого себя, определять самого себя» [3, *124*]. В философии Г. В. Ф. Гегеля дух «обнаруживает себя как абсолютная отрицательность, как бесконечное утверждение самого себя...» [4, *21*]. Поэтому сущность духа по форме есть свобода как наличие отношения к самому себе и независимость от некоего другого, т. е. «абсолютная отрицательность понятия как тождества с собой» [Там же, *25*].

Критикуя тождество мышления и бытия в философии Гегеля, при котором процессность бытия есть процесс мышления, которое приводит к сбрасыванию предиката реальности с мысли, чтобы восстановить *в себе* отсутствие предиката как свою подлинную сущность, Л. Фейербах делает вывод: «Действительное отношение мышления к бытию таково: *бытие — субъект*, *мышление — предикат*» [10, *128*]. Идеи Л. Фейербаха наметили другой путь разрешения «внешнего

© Герт В. А., 2016

рабства», поскольку надындивидуальная природа человека осуществляет выход не в дурную бесконечность, а в бесконечность неповторимого и уникального (конкретного и завершенного) общения с другим человеком.

В отечественной философии и психологии выход субъекта «за» свои пределы обосновывался на основе деятельностного подхода через необходимость предметно-преобразовательной деятельности; в религиозной философии во всех ее вариантах выход «за» как освобождение человека проходит при обязательном обращении к Богу (открывается тому, кто желает этого и «стучится»).

На наш взгляд, в истории философии определения и обоснования свободы человека динамично следовали за пониманием природы человека. Этапы изменения в понимании природы человека мы обозначили афористичными, но принципиальными для философских концепций выражениями об основном экзистенциале его существования:

1) «Я мыслю, следовательно, существую» (Р. Декарт). Свобода приходит через познание как познанная необходимость (Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель).

2) «Я хочу, следовательно, существую» (Л. Фейербах). Свобода приходит через удовлетворение потребностей, включая свободу *от* диктатуры витальных потребностей.

3) «Я могу, следовательно, существую» (К. Маркс). Свобода приходит не через приспособление к среде, а через преобразование предметной среды и производство необходимого продукта в соответствии с потребностями человека.

4) «Я должен, следовательно, существую» (И. Кант). Свобода приходит через отношение к другому как к самому себе в соответствии с законами морали (совести, чести и достоинства) и социальными нормами (включая правовые нормы и законы общества).

5) «Я верю, следовательно, существую» (С. Кьеркегор, М. Бубер, Н. А. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов и др.). Свобода приходит через отношение к Богу и с Богом с направленностью развития духа и духовности человека.

Связь свободы человека и его потребностей осмысливается со времен Сократа и Платона. Ограничения предметами потребностей, удовлетворение влечений, желаний и страстей, жизнь в удовольствиях и пресыщении, по их мнению, это не путь достижения подлинного бытия. Свобода человека как существование в соответствии с истиной связывалась с его разумом. Наиболее последовательно эту позицию развивал и выразил Г. В. Ф. Гегель. Он считал, что в своем бытии для-другого люди должны полагать и признавать себя «именно не только за природные, но и за свободные существа. Только *так* осуществляется *истинная* свобода, ибо, ввиду того что эта последняя состоит в тождестве меня с другим, я только тогда истинно свободен, если и другой также свободен и мной признается свободным. Это свобода *одного в другом* соединяет людей внутренним образом, тогда как, наоборот, *потребность* и *нужда* сводят их вместе только внешне. Люди должны поэтому стремиться к тому, чтобы найти себя друг в друге. Но это не может произойти до тех пор, пока они остаются во власти своей непосредственности, своей природности, ибо эта последняя есть как раз то, что разобщает их друг с другом и препятствует им быть друг в отношении друга свободными» [4, *241*]. Переход

внешнего во внутреннее как идеализация в понятиях, которые выражают собой *знание* общего, и есть возможное освобождение человека от внешней зависимости — как от природы, так и в отношениях между людьми. Выход за пределы самого себя, своей природности человек осуществляет в процессе со-знания и познания.

По этому пути размышлений предлагал идти и М. Шелер, называя его *дереализацией* мира. Царство мыслей приближает человека к миру, позволяя знать вещь такой, какая она есть. А Н. А. Бердяев посредством *символизации* обосновывает одухотворение жизни человека, свободу его духа, выдерживая тезис «дух-субъект, бытие-предикат». Этот тезис весьма близок по сути своей всей новоевропейской философии. Ведь господство человека в природе посредством знания («знание-сила») у Ф. Бэкона, дедуктивный путь постижения истины и «Я мыслю, значит, существую» у Р. Декарта, свобода человека как познанная необходимость единой субстанции у Б. Спинозы отмечают собой не столько гносеологический оптимизм, сколько *гносеологическое освобождение* человека от мира обыденности, невежества и заблуждений. Вне гносеологической свободы человек не приближается к бесконечности мира. Человек освобождается через *со-знание и познание*.

Когда Л. Шестов выступает против философии разума, он, вслед за Л. Фейербахом, подчеркивает, что истина для разума связана с выделением общего, с идеей необходимости. Поэтому разум боится свободы, поэтому «пределы возможного и невозможного устанавливаются не разумом» [12, *395*]. Редукция свободы к разумности ставит под сомнение и даже отрицает обособление и автономность индивидуальности как момент ее свободы. Тогда как же уйти от власти разума, как же достичь истинных источников бытия? Дерзновения — таков ответ Л. Шестова. В дерзновенных поступках, действиях верующий человек сам себе устанавливает пределы возможного и освобождается от покорности разуму, т. е. действие человека не всегда определяется разумом, но и *верой*. Позже, например, А. Гелен, считая возможным создание науки о человеке, предлагает за отправную точку брать *действие*. По его мнению, в действии нет «различия или различимости “внутреннего” и “внешнего”, психического и физического», во время самого действия «рефлексия неосуществима, условия ее осуществления уничтожены» [5, *160*].

М. Бубер во всякой деятельности, в познавательной и преобразовательной, усматривает порабощение человека. А его освобождение, его жизнь в духе осуществляется только благодаря способности к *отношению*. «Только молчание с ТЫ, молчание всех языков, безмолвное ожидание в неоформленном, в нерасчлененном, в доязыковом слове оставляет ТЫ свободным, позволяет пребывать с ним в той затаенности, где дух не проявляет себя, но присутствует. Всякий ответ втягивает *ТЫ* в мир *ОНО*» [2, *26*]. Отношение пред-послано всякой деятельности. И разум, и действие не помогают истинному сбыванию человека, ограничивают его миром познанного и определенного, миром прошлого, миром ОНО.

Преодоление противоположения бытию разума — это преодоление ситуации в метафизике, когда рефлексия рассматривается как основополагающее отношение к сущему, в которое положено бытие человека. Так считает М. Хайдеггер. С этим он связывает судьбу новоевропейской онтологии, безусловное господство человека над природой, превращение человека в субъекта, что приводит к такому

единообразию, из которого без преодоления такой метафизики нет никакого выхода. Преодоление метафизики противоположения — это преодоление «бессобытийности мира законченной метафизики» [11, *182*].

М. Хайдеггер и в активности отдельного человека усматривает потерю его самости, поскольку в действии сохраняется субъект-объектное противоположение, поскольку «бытие как действенность и действие замыкают сущее от события» [Там же, *192*]. Только в уничтожении «Ничто» человек утверждает себя, только «Нет» и отказ обнаруживают суть изменения бытия человека, то есть суть его событийного пути. Очевидно, что отрицательность событий определяет и негативное освобождение человека.

Все способы (социальные способности) выхода человека «за», выделенные в философии, — *сознание, общение, действие, отношение, вера и отрицание* — представлены в размышлениях о свободе человека, и со всеми с ними, на наш взгляд, можно связывать его освобождение. Однако *во всех этих способах присутствует выбор.*

Среди философских исследований нужно выделить позицию Г. С. Батищева. Он считает, что при доминантности человека на другого (других) в общении существенно возрастают его содержательность и результативность. Это обеспечивает креативную открытость беспредельному генезису человека, сохраняет у каждого в себе место для новых дарований от другого человека. Он предлагает вести поиск объяснения и понимания истинного творчества «не согласно логике саморазвертывания деятельностной сферы, но по логике глубинного общения», которая «обращает нас к логике встречи между субъектами и взаимной сопричастности при соблюдении каждым *доминантности* на другого, особенно при резкой контрастности типов и уровней культур» [1, *323*].

В современной отечественной психологии, например, В. А. Петровский отстаивает феноменологию активной неадаптивности человека. Он пишет: «Свободное принятие на себя ответственности за непредрешенный заранее исход действования и есть для нас показатель самопорождения человека как субъекта активности. В равной мере оно может быть описано как свободный выбор ответственности или как ответственный выбор свободы. То, что делает человека субъектом в подлинном смысле этого слова, здесь налицо: ибо он противостоит ситуации, поднимаясь над заданностью и овладевая шансом. Выход за границы предустановленного в данном случае уже не пассивное проявление неадаптивности, но действительная самотрансценденция человека, свободное полагание им себя как субъекта» [9, *74*].

Если представлять мир как нечто завершенное и вечное (Абсолют, Бог, субстанция), то в нем не имеют особого смысла утверждение индивидуальности человека и его позитивная свобода. В таком мире имеет смысл сохранять позитивную свободу *для отказа* от ограничений завершенности самого мира. Если же мир и индивидуальность человека мыслятся как становящиеся бесконечности, то негативная свобода оборачивается отказом человека от участия в становлении мира. Приближение к миру может быть только позитивной свободой. В целеполагающей деятельности, в преобразовательном освобождении человека суть его

позитивной свободы (по К. Марксу). В эволюционной антропологии достаточно обоснованно эпоха неолита определяется как переход от присваивающей экономики к производящей. При этом существенно интенсифицируется целеполагание индивидуальности и ее целеполагающей деятельности как одно из условий позитивной свободы и нарастания субъектности человека.

Цикличность индивидуализации человека в целостности бытия определила и определяет внутри себя формирование цикличности целеполагания преобразовательной деятельности. Два этапа целеполагания — целеобразование и целереализация — едины в цикле воспроизводства целостности бытия индивидуальности и в то же время различаются. В процессе целеобразования отношение индивидуальности к прошлому и будущему есть отношение к исторической, актуальной и потенциальной бесконечности своего индивидуального бытия. В этом процессе способности, интересы и образующаяся цель порождают определенность относительно замкнутой целостности бытия индивидуальности, причем замыкание бесконечности бытия целью в принципе несвоемерно [6].

Новая цель — это отношение к себе и к другим людям, новое отношение к своим возможностям, потребностям и способностям, интересам и целям других людей, т. е. происходит *обновление несвоемерной определенности бытия индивидуальности*. Целеобразование, таким образом, это процесс воспроизводства и развития субъектного (включая и побудительный) потенциала индивидуальности на основе использования потенциала несвоемерной всеобщности и универсальности своего со-бытия. Первичность и субъектность со-бытия индивидуальности в процессе образования цели определяются в субъектных свойствах самой индивидуальности как способностях выхода «за».

Целереализация, в свою очередь, изменяет не только предметность бытия индивидуальности, но и изменяет при выходе «за» эту предметность для бытия другой индивидуальности. В со-бытии уже меняется не только отношение к себе и к другому, как это происходит при целеобразовании, но и отношение другого к реализации моей цели и отношение к самому себе в контексте реализованного, т. е. предстает как отношение к отношению или со-отношение.

Субъектный потенциал определенности целеобразования предстает в целереализации как неповторимый путь достижения единственного варианта предметного результата. Потенциал всеобщности и универсальности целереализации индивидуальности опосредован потенциалом всеобщности и универсальности сбывания индивидуальности при целеобразовании, и наоборот. Вариативность свободы целереализации опосредована вариативностью свободы целеобразования, а единственность предметного результата при целереализации ограничивает вариативность свободы определения цели, сокращая или расширяя границы свободы целеполагания. И поэтому вопрос о свободе индивидуальности может быть поставлен в первую очередь как вопрос о воспроизводстве и развитии ее целевого потенциала (целеустремленности).

В отличие от единственности достигнутого целевого результата сами процессы целеобразования и целереализации имеют вероятностный характер. Это определяется, кроме множественности возможных вариантов реализации необходимости

удовлетворения витальных и социальных потребностей, возникающими и исчезающими возможностями в со-бытии индивидуальности, которые актуализируются *в ходе процесса и самим процессом* индивидуализации человека. Знания о возможности наступления того или иного события тоже изменяются в ходе этого процесса и самим процессом. Возможности реализации и удовлетворения доминирующих потребностей индивидуальности и их осознанное осуществление определяют вариативный путь и вариативную последовательность всего цикла процесса индивидуализации.

В этой связи необходимо отметить весьма интересный анализ соотношения необходимого и случайного, возможного и вероятного, который проведен В. И. Корюкиным. Обосновывая уровневый подход в научном познании, он отстаивает идею *о неоднородности необходимости* в природе, обществе и мышлении и приходит к выводу о том, что и *возможности необходимы в разной степени*. А вероятность определяется так: «Степень необходимого в возможном и представляет, на наш взгляд, вероятность в самом общем смысле этого понятия» [8, *108*].

Нам представляется такое понимание вероятности событий глубоко рациональным, поскольку оно не уравнивает необходимые связи и в природе, и в обществе, а допускает их неоднородность, т. е. допускает в качестве основы вероятностных процессов *различие возможностей*. В индивидуальности человека становление природной необходимости приобрело высшую форму многообразия с потенциалом бесконечности самой природы. И смыслоцелевая детерминация стала возможной и возможна только на основе деятельностного и исторически накапливаемого углубления уникальных отличий одного человека от другого, тем самым и возрастания ценности каждого человека в бытии другого. Необходимое для различных индивидуальностей и выделяется во взаимодействии этих индивидуальностей с различной степенью возможного, вариативно закрепляясь в смыслоцелевой цикличности воспроизводства их со-бытия.

Тогда *цель индивидуальности* предстает в целеобразовании как наиболее вероятное разрешение противоречий между необходимостью потребностей индивидуальности и возможностями ее бытия, а при целереализации — как наиболее вероятное разрешение противоречий между целевой готовностью индивидуальности и возможностями средств и предметных условий ее сбывания. Наиболее вероятный вариант воспроизводства бытия индивидуальности можно было бы назвать оптимальным, если бы весь цикл смыслоцелевой детерминации вариативно осуществлялся с созидательной направленностью «для другого». Но в реальном историческом процессе это далеко не так, хотя без доминирования созидательной направленности в индивидуализации человека представить прогресс общества невозможно.

Существенной особенностью целеобразования является *невозможность* этого процесса вне отдельного индивида. Осознанное или неосознанное признание наличия образования цели у надиндивидуальных социальных субъектов может только усиливать линию на онтологизацию потребностей вне отдельного субъекта. На первый взгляд может показаться возможным отделить цели от индивидуальности в процессе целереализации в форме программ, проектов и планов

и представить при помощи таких форм некоторое целевое единство многих людей. Да, такое выражение целевого единства людей возможно и даже необходимо. Но любые отделенные от индивидуальности цели при их реализации должны быть каким-либо образом приняты за основу предметной деятельности. Выполнение программ и планов во многом зависит от принятия их обоснованных целей в качестве своих для многих людей. *Разрыв целеобразования и целереализации по разным индивидам является основной причиной невыполнения или низкой эффективности любых программ, проектов и планов.*

Цель в процессе своего воспроизводства и развития есть и *результат* оптимизации целостности индивидуальности, и *основание* предметной деятельности индивидуальности для оптимизации целостности своего со-бытия. Целевая оптимизация бытия индивидуальности нуждается в свободе определения наиболее вероятных возможностей индивидуализации. Выбор — это и есть *свобода в смысловой и целевой детерминации*. Бегство от свободы (Э. Фромм) — это безответственный выбор.

Необходимость выбора варианта возможного сопровождает смыслоцелевую детерминацию в отношении к исторической, актуальной и потенциальной бесконечности бытия индивидуальности. Восхождение от неопределенности выбора возможностей любого вида бесконечности до утверждения в бытии выбранной возможности проходит все этапы цикла целеполагания и воспроизводства бытия индивидуальности. Выбор оптимально возможного повышает определенность как индивидуальности со стороны ее способностей, интересов, прошлых целей, так и ее бытия со стороны наличных средств и условий в реализации необходимости удовлетворения витальных и социальных потребностей [7].

Выбор — это предпочтение возможностей достижения целевого результата. Выбор — это *и свобода* утверждения возможностей индивидуальности в ее бытии, *и ограничение* выбранной возможностью. В самом процессе индивидуализации выбор необходимых и достаточных свойств и способностей индивидуальности, средств и условий бытия порождает осмысленные самоограничение, саморегулирование, самодетерминацию процесса индивидуализации актуальными возможностями этих свойств, средств и условий. Выбор порождает наиболее вероятный путь, ход и результат процесса индивидуализации, и в итоге достигается целевая оптимизация всего цикла целостности со-бытия.

Все способы (социальные способности освобождения) выхода человека «за», выделенные в философии, — сознание, общение, действие, отношение, вера и отрицание — представлены в размышлениях о свободе человека, и со всеми с ними, на наш взгляд, можно связывать его освобождение. Однако *во всех этих способах присутствует выбор*. Свобода выбора человека в выходах «за» является необходимостью, так как все они вероятностны. Свобода выбора обеспечивает соподчинение всех способов освобождения человека в единый индивидуализированный событийный процесс. Выбор выражает собой два сущностных момента освобождения человека: 1) вариативность процесса сбывания и 2) утверждение индивидуальности человека в со-бытии «для другого». По существу, выбор и есть тот необходимый механизм, который обеспечивает «индивидуализацию бесконечности».

Свобода выбора возможного событийного сбывания индивидуальности *устремлена* к полноте со-бытия, *к сопряженности бесконечности индивидуальности и бесконечности со-бытия*. Выбор — это вариативный механизм реализации способов освобождения человека, чтобы оконечить бесконечность, утвердить единственный вариант универсальности со-бытия. Элементы «иррациональности» выбора — это наличие неопределенности. Посредством необходимости ее разрешения в ситуации выбора, в процессах перехода от «Я хочу» к «Я могу» и «Я должен», от «Я мыслю» к «Я могу» и наоборот индивидуальность и определяется. В реализации выбранного варианта как в сбывании индивидуальности обеспечивается целевое и смысловое единство циклов индивидуализации. Утверждение различий индивидуальностей внутри со-бытия никогда не допускает тождества свободы выбора в способах их выхода за пределы самих себя, в соподчинении этих способов внутри себя в форме потребностей и способностей, интересов и целей, знаний и ценностей, чувств и смыслов.

Выбор — *это атрибутивная характеристика со-бытия индивидуальности*. Свобода выбора и ограничение выбора и выбором определяются развитостью его (бытия) целостности. *Кроме условий бытия и самой индивидуальности, выбор возможности ограничивается возможностями выбранного и одновременно отказом от реализации других возможностей, т. е. он всегда связан с ограничениями*. Поэтому свобода выбора не может быть безграничной. Также свобода собственного выбора ограничена выбором другого и других и взаимодействие выбранных возможностей сбывания обоих учитывается как при их целеобразовании, так и при их целереализации. Свобода вне собственного выбора есть принятие выбора другого в качестве своего и реализация целей других и для других. Вне собственного выбора человек становится средством реализации возможности, выбранной другими.

Вне собственного выбора торжествует негативная свобода, и созидательная сущность бытия индивидуальности часто находит выход в потребительстве, нигилизме и разрушении. Негативная свобода индивидуальности и ее выбора означает свободу *от* ограничений со стороны других людей. И если доводить логику негативной свободы до конца, то можно прийти к отрицанию ограничений со стороны исторической бесконечности бытия человека, т. е. к отрицанию каких-либо ограничений со стороны родовой жизни. Тогда человек становится не историческим, не родовым и даже не предметным существом.

В самом цикле свободы выбора «от» до «для» происходит обращение как к прошлому, так и к будущему, поскольку устанавливается его со-ответствие с *уже* усвоенными и освоенными смыслами самой индивидуальности и ее со-бытия или с *еще* ею не освоенными. Преобразование и обновление смысла выбора обращено *к настоящему*, так как происходит *со-гласование* целей, отношений, действий и ответственности в самой индивидуальности и в со-бытии «здесь и сейчас». Созидание нового смысла выбора обращено с доминированием *к будущему* и выражает собой *единство* (объединение) изменений в комплексе со-отношений всей целостности со-бытия, включая индивидуальность, ее отношение с другими, наличное смысловое и предметно-вещественное пространство со-бытия. Достигается единство в *синхронности* их изменений во времени, что порождает

резонансные усиления вероятностных со-отношений в целостности со-бытия и, как следствие, нарастающую *изменчивость* в нем и в индивидуальностях, нарастающую *непредсказуемость* последствий создания нового смысла выбора для этих индивидуальностей. А это начало накопления *новых различий* внутри со-бытия, а значит, и новых возможностей индивидуализации. В итоге создается новая ситуация необходимости выбора или перевыбора, необходимости ответственности за реализованные смыслы. Эксцентрический выход в со-отношениях является необходимым условием идентификации предметного мира, других в со-бытии, самого себя и собственных выбранных смыслов.

Выбор «для другого» задает свободе альтернативности такую перспективу порождения всеобщности бытия человека, в которой свобода и гуманизм совпадают по своей сути, в которой такая смысловая детерминация способна удовлетворять безграничные социальные потребности в общении, в самореализации, в новом смыслообразовании. Социальные способности индивидуальности, как потенциально реализуемые ее потребности, и целеполагание индивидуальности, как относительная свобода от ее витальных потребностей, утверждаются как сбывание целостности ее бытия и одновременно как ценность и предмет потребностей и интересов других людей, порождая *актуальное многообразие отношений* индивидуальностей. Выбор «для другого» воспроизводит и развивает многообразие отношений, в которых воспроизводятся и развиваются всеобщность и универсальность индивидуальностей, актуализируется познавательный, ценностный и ресурсный потенциал исторической бесконечности для освоения потенциальной (природной) бесконечности со-бытия индивидуальностей. В бесконечности события человека осуществляется одновременное деятельностное самопорождение гуманизма, которое тождественно по смыслу тезису еще XIX в. — «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

---

1. *Батищев Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969.
2. *Бубер М.* Я и ТЫ. М., 1993.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1975.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Философия духа // Там же. Т. 3. М., 1977.
5. *Гелен А.* О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
6. *Герт В. А.* К онтологии целостности человека // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3 : Общественные науки. 2012. № 3 (106). С. 95–103.
7. *Герт В. А.* От потребностного детерминизма к целевой детерминации // Педагогическое образование в России / ФГБОУ ВПО «УрГПУ». Екатеринбург, 2015. № 10. С. 284–289.
8. *Корюкин В. И.* Концепции уровней в современном научном познании. Свердловск, 1991.
9. *Петровский В. А.* Человек над ситуацией. М., 2010.
10. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1955.
11. *Хайдеггер М.* Преодоление метафизики // Время и бытие. М., 1993.
12. *Шестов Л. К.* К философии истории // Соч. : в 2 т. М., 1993.

Рукопись поступила в редакцию 14 января 2016 г.